

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.25688/2078-9238.2019.31.3.11

**Б.Н. Бессонов,
В.М. Кондратьев**

Рецензия на книгу Ю.В. Туйцына «Теория возникновения и развития деятельности и труда. Праксиологический подход» (М.: ЛЕНАНД, 2018. 424 с.)

Автор книги известен как ученый, глубоко, детально, даже педантично исследующий философские и научные проблемы. «Изначальная задача исследования, — как поясняет Ю.В. Туйцын, — состояла в том, чтобы определить причину появления труда, а также установить роль деятельности в процессе развития человека» [5, с. 394].

Ю.В. Туйцын выступает приверженцем праксиологии, которую определяет как науку об общих свойствах, закономерностях и формах развития деятельности человека и общества [Там же, с. 7]. Для сравнения приведем определение праксиологии сербскохорватского социолога XX в. Данило Марковича: «Праксиологию в самом общем смысле можно определить как общую теорию правильных действий, предметом изучения которой является человеческая деятельность с точки зрения ее эффективности» [2, с. 60]. Как видим, у Ю.В. Туйцына речь идет о закономерностях развития деятельности человека и общества.

Автор считает, что для обозначения процессов, происходящих в неживой природе, понятие деятельности не подходит. Здесь лучше применять слова «движение», «действие» и т. п., т. е. понятия, смысл которых не предполагает участия в этих процессах самостоятельного субъекта [5, с. 7]. «Деятельность же осуществляется конкретными субъектами живой природы, людьми и объединениями людей» [Там же, с. 7]. В философском смысле предметом праксиологии является человеческая разумная деятельность.

Автор основательно анализирует труды западных и отечественных мыслителей, начиная с эпохи Античности, а также и современных ученых, представителей

как гуманитарных, так и естественных дисциплин, ведущих к пониманию праксиологии как философии действия и деятельности. Подчеркивает, что центральное место в разработке праксиологических представлений занимали философско-экономические учения о труде и производстве материальных благ. Вместе с тем отмечает, что задачи праксиологии тесно связаны с социально-философской проблематикой, поскольку она должна рассматривать общественные последствия технических изобретений и технологических изменений, иначе говоря, последствия использования технических изобретений и новых технологий в обществе [5, с. 31].

Переходя к анализу конкретных проблем праксиологии, Ю.В. Туйцын считает одной из ее важных проблем определение труда. Здесь он отмечает, что К. Маркс в «Капитале» и других экономических произведениях основополагающее значение для понимания труда придавал понятию «орудие труда». Однако, по мнению Ю.В. Туйцына, орудия труда не являются необходимым свойством любого труда. Например, в течение длительного времени человечество занималось собирательством, которое могло осуществляться без применения орудий труда, но тем не менее это — трудовая деятельность. Автор полагает, что собирательство и охота стали трудом не потому, что в процессе создания и добычи благ начали применяться вспомогательные орудия, а потому, что из разряда индивидуального занятия перешли в разряд осознанного и социально необходимого процесса [Там же, с. 57].

Орудия труда могут иметь вторичное и далеко не определяющее значение [Там же, с. 58]. Труд — социально необходимая и полезная деятельность, а не только целесообразная. «Труд — это род осознанной, необходимой и общественной деятельности людей, существующий в виде производства материальных и духовных благ и выполнения услуг, удовлетворяющих полезные и необходимые потребности человека и общества» [Там же, с. 60]. Приведенное определение, на наш взгляд, не отрицает достоинств известного определения труда, данного К. Марксом в пятой главе первого тома «Капитала»: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [3, с. 188–189]. Указание на силы рук и головы, на «собственную власть» человека разве не говорит о роли сознания в определении труда у К. Маркса? А в качестве орудий труда, согласно К. Марксу, человек использует «руки и ноги, голову и пальцы». Роль сознания, воли человека в процессе труда отмечал еще в Средние века персидский поэт Низами (1141–1209):

«Мы сеяли в тучную землю зерно,
И много ль, скажи нам, взрастило оно?
А с этой, иссохшей, напрасны труды.
Что, жаждущий, снимешь с нее без воды?»
Ответил старик: «О, прости мой ответ,
Не думаю, есть ли вода или нет;
Водою мне, видишь, мой пот на спине,
Концы моих пальцев лопатою мне,
Великим мне счастьем бывает зерно,
Когда получаю семьсот на одно» [4, URL].

Об орудиях труда (дела) рассуждал в Новое время английский мыслитель Ф. Бэкон (1561–1626). «Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его» [1, с. 12]. Как видим, не только К. Маркс, но и его предшественники характеризовали значение орудий труда.

Во второй главе монографии Ю.В. Туйцын анализирует праксиологическую концепцию потребностей и потребления. Он справедливо рассматривает потребность и потребление как необходимые звенья любого рационального действия. Потребность является причиной деятельности, потребление — ее целью и завершением.

«Потребность — это состояние субъекта, характеризующееся наличием потенциала к действиям как по устранению недостатка в средствах существования, так и по устранению использованных объектов, мешающих его существованию» [5, с. 79]. Именно внутренним определением недостатка (формой «знания») и потенциалом к ориентированным действиям, считает Ю.В. Туйцын, потребность отличается от какого-либо недостатка полезности. Потребности существуют только у живых организмов, самостоятельно регулирующих собственные действия, а также у общественных объединений, поскольку они состоят из людей. Это значит, что живые субъекты должны иметь механизм определения того, что ими потребляется, уметь распознать полезное и бесполезное, обладать способностью определять внешние воздействия, управлять своими действиями. То есть, по мнению автора, в организме живого индивида (особи) должно возникнуть некое нематериальное свойство, особая «психическая» реальность, появляющаяся после физического контакта с объектами внешнего мира. Мы бы сказали, что психическая реальность есть продукт отношения индивида к предметам его внутреннего или внешнего мира.

У растений происходит модификация системы потребностей на уровне биологического вида. Их «потребности» полностью совпадают с видовыми потребностями. В то же время Ю.В. Туйцын полагает, что биологический вид в царстве растений допустимо рассматривать как субъект действия [5, с. 96]. Вряд ли этот тезис можно безоговорочно, безусловно принять. Автор сам

утверждает, что живой организм из объекта в субъект превращается благодаря способности регулировать собственную деятельность [5, с. 97]. По мнению Юрия Владимировича, функционирующая психика помогает развитию деятельной способности и является признаком субъекта.

Важные суждения автор высказывает и в третьей главе книги. Он начинает с полемики с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые утверждали, что «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности» [5, с. 135]. Это утверждение — максимализм, свойственный молодому возрасту мыслителей, считает Ю.В. Туйцын, бывает прямо противоположная обусловленность действия. На наш взгляд, люди порой жертвуют своим здоровьем, благополучием, и даже жизнью, но делают это ради своей потребности в самоутверждении как личности.

В четвертой главе Ю.В. Туйцын обращается к теории эволюции. Отмечает, что она, несмотря на имеющиеся нерешенные проблемы, в главных чертах правильно отображает ход развития живой природы. Механизм действия естественного отбора в среде растений и среде животных работает одинаково. В то же время автор с позиций праксиологии указывает на важные отличия естественного выбора в царстве животных от его функционирования в растительной среде. Растения неспособны действовать, как действуют животные: в отличие от растений последние управляют выбором потребляемых благ, выбором территории проживания, места выведения потомства и т. п. То есть отбор в животной среде зависит не только от наследственной передачи соматических признаков, но и от деятельных свойств, в частности, от формирования оценочно-психических способностей, подчеркивает Ю.В. Туйцын [5, с. 188, 199]. При этом он утверждает, что существует самостоятельное развитие действия и деятельности вне зависимости от физиолого-соматических изменений [Там же, с. 200]. Это положение, на наш взгляд, неправомерно. И автор далее, по сути, это положение опровергает. Точнее говоря, кроме процесса, в котором физиолого-соматические изменения были причиной изменения действий и деятельности животных видов, существовал процесс, в котором действие и деятельность выступают причиной выживания видов. Действие становится фактором укрепления наследственных физиолого-соматических признаков. С этим диалектическим выводом, разумеется, мы согласны [5, с. 200].

Важнейшее значение Ю.В. Туйцын уделяет рассмотрению проблемы: труд и сознание. Он вновь вступает в полемику с основоположениями марксизма. Нет, «толчок к развитию сознания дал не труд, как считал Энгельс, ибо труда еще не было, если в это понятие вкладывать хоть сколь-нибудь разумную и социально-обусловленную деятельность. Труд сам был следствием длительного развития сознания» [5, с. 217]. «Формирование абстрактно-логического сознания начинается до появления орудий труда» [5, с. 259]. Возможно, корректнее было бы говорить об абстрактно-логическом мышлении.

Автор чрезмерно индивидуализирует и субъективизирует деятельность первобытных людей: «...каждый предок человека оценивал ситуацию индивидуально»

[Там же, с. 218]. Это сомнительно. Вряд ли наши предки, жившие стадами, могли действовать индивидуально, вряд ли им были свойственны психически-интеллектуальные действия, опережающие физические поступки. Конечно, в результате длительного развития формировались «прогрессивные» индивиды, действия которых превзошли поступки психические инстинктивные. И это был результат длительного освоения деятельных, трудовых навыков, связанных с использованием вспомогательных подручных, а затем и изготовления «ранними» индивидами иных орудий труда. Юрий Владимирович утверждает: ошибка Энгельса в том, что он считает, что животные предки человека трудились. Но они «к труду не имели никакого отношения» [5, с. 260]. Им была свойственна материальная деятельность, но не труд. Но «даже если мы заменим слово “труд” словами “материальная деятельность”, наше понимание того, как формировалось рациональное сознание, улучшится не принципиально. <...> На самом деле трудовая концепция упрощала ситуацию тем, что рассматривала событие “производства орудия” на том этапе, на котором рациональное сознание в некотором смысле уже существовало» [5, с. 260].

Сознание «становящегося человека» содержало в себе долю рациональности, раз уж он приступил к использованию вспомогательных орудий. Не материальное действие, которое совершалось всеми животными индивидами, и тем более не труд, который в тот момент истории еще не существовал, явились определенной причиной возникновения сознания. Такой причиной «следует считать праксиологический акт, развивавшийся из индивидуального действия в надиндивидуальное коллективное явление. Праксиологическое действие (акт) нужно считать как первоначальным этапом рациональной деятельности, так и промежуточным этапом между инстинктивной деятельностью и собственно рациональной деятельностью» [5, с. 261].

Ю.В. Туйцын в этой связи отвергает положение В.И. Ленина об инстинктивном человеке. «На самом деле, не существует “инстинктивного человека”. Дикарь палеолита это уже готовый человек, способный думать почти так же, как цивилизованный человек» [Там же, с. 303]. Это «почти» — очень чрезмерно. Тем не менее автор считает, что ранний человек выделял свое «Я» в качестве самостоятельного субъекта деятельности. И именно в действиях отдельных индивидов обнаруживалась целесообразность применения орудий, которая затем стала достоянием сообщества. «С этого момента мы вправе говорить о возникновении зачатков труда» [Там же, с. 305]. В этих рассуждениях мы не находим преодоления марксистской концепции.

В трудовой теории автор видит логический круг в обосновании труда и общества. Мышление человека, согласно этой теории, сформировалось в процессе труда, в то время как сам труд появился только в обществе, которого до появления совместного труда и мышления не существовало. Иначе говоря, с позиций трудовой теории надо признать: либо труд был причиной появления мышления и общества, либо мышление и общество являлись необходимыми условиями появления труда. Автор призывает не ссылаться на диалектику,

на взаимообусловленность этих процессов, а расставить их в причинно-следственном порядке. Но это, действительно, диалектический процесс взаимосвязи противоположных сторон исторического процесса. Как известно, и причинно-следственная связь диалектична: то, что в одном случае является причиной, в другом — может стать следствием.

Продолжая полемизировать с К. Марксом и марксизмом, автор объявляет неприемлемой, объективистской точкой зрения то, что Маркс называл труд естественным, т. е., уточняет автор, вытекающим из природы свойством человека [5, с. 373]. Труд является условием существования общества, а не естественным условием его жизни. С праксиологической позиции труд представляет собой обязательно необходимую, сознательную, полезную, социально организованную деятельность человека. На наш взгляд, К. Маркс подобную трактовку труда применительно к сформировавшемуся человеку, конечно же, принимает.

На протяжении всей истории развитие человека и общественного труда было противоестественным явлением. Человек развивался благодаря противоестественному насилию над собой, а не в результате использования рабочей энергии собственного организма [5, с. 375]. Со временем «индивид должен был вступить в противоречие с самим собой как носителем психофизиологической наследственности. Противоречивость психики, выражавшаяся в отрицательности ощущений и самоощущений, обязательно создает условия для ее интенции и для волевого усилия. Праксиологический акт мог принять форму индивидуального самостоятельного действия только тогда, когда психический акт индивида одновременно соединял в себе волевое и “энергетическое” усилие, способное преодолеть влияние инстинктивного императива» [Там же, с. 376–377]. Согласно автору, получается так: психика противоестественна, поскольку преодолевает влияние инстинктивного императива. С нашей точки зрения, психика естественно вырастает, надстраивается над инстинктами, не отрицает, а «снимает» их. С точки зрения автора, уже ранний человек (хотелось бы знать, кто этот ранний человек? Человек стада, рода, племени и т. п.?) овладевает мышлением, а именно: комплексом причинно-следственных мыслительных операций, что и позволило ему создавать и совершенствовать вспомогательные орудия, формировать коллектив на рациональных основаниях, вводить нормы взаимодействия в нем, организовывать совместные виды работ. Но если ранний человек создавал орудия труда, строил жилища, придумывал и делал элементарные ловушки для зверей, изготовлял из растений и шкур примитивную одежду, использовал огонь для загона животных, то для чего же тогда этому индивиду, субъекту деятельности с праксиологической точки зрения нужно было объединяться с другими индивидами? Для чего жить в стаде, принадлежать к роду, племени и т. п.?

Вывод Ю.В. Туйцына: марксисты ошибались, поскольку отказывались признать, что сознательность возникла вследствие развития деятельности раньше появления труда. Не будем оспаривать данный вывод. Однако анализ влияния деятельности (труд — вид деятельности) на сознание может быть конкретизиро-

ван. Во-первых, мы бы различали влияние физической деятельности на сознание и мышление. В нашем понимании способом существования сознания является отношение, а способом существования мышления — деятельность. Следовательно, изменяя деятельность, мы изменяем мышление, а изменяя отношение, изменяем сознание человека. Процесс взаимодействия сознания и мышления — проблема современной науки.

Автор утверждает, что само общество было результатом осмысленной организованной деятельности человека, подчинившего труд каждого задачам общественного производства. Это так и не так. Совместная коллективная деятельность людей также способствовала развитию индивидуальной полезной и все более разумной деятельности раннего человека.

Выраженное рецензентами несогласие с рядом положений автора не отрицает достоинств монографии Ю.В. Туйцына, ее исследовательский проблемный характер. Автор демонстрирует широту научного кругозора, знание достижений различных областей естественно-научного знания, столь редкого в наше время. Несомненно, книга «Теория возникновения и развития деятельности и труда. Практиологический подход» будет востребована специалистами различных областей знания.

Литература

1. Бэкон Ф. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 12–79.
2. Маркович Д. Социология труда / пер. с сербскохорв.; общ. ред. и послесл. Н.И. Дряхлова и Б.В. Князева. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. 907 с.
4. Низами. Сокровищница тайн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2016/02/28/7602> (дата обращения: 16.03.2019).
5. Туйцын Ю.В. Теория возникновения и развития деятельности и труда. Практиологический подход. М.: ЛЕНАНД, 2018. 424 с.

Literatura

1. Be'kon F. Aforizmy' ob istolkovanii prirody' i czarstve chelo-veka // Soch.: v 2 t. M.: My'sl', 1978. T. 2. S. 12–79.
2. Markovich D. Sociologiya truda / per. s serbskoxorv.; obshh. red. i poslesl. N.I. Dryaxlova i B.V. Knyazeva. M.: Progress, 1988. 632 s.
3. Marks K. Kapital // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. M., 1960. T. 23. 907 s.
4. Nizami. Sokrovishhnicza tajn [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.stihi.ru/2016/02/28/7602> (data obrashheniya: 16.03.2019).
5. Tujczy'n Yu.V. Teoriya vznikhoveniya i razvitiya deyatel'nosti i truda. Praktiologicheskij podxod. M.: LENAND, 2018. 424 s.